

пожелания, мы добавили две вводные главы, посвященные философской мысли отцов Церкви. Наконец, чтобы исправить некоторые оптические иллюзии, иначе не устранимые, мы поместили материал в широкий контекст истории интеллектуальной культуры в средние века, тем самым уменьшив (по крайней мере мы надеемся на это) дистанцию между историческими очерками подобного рода и реальностью во всей ее сложности.

Следует, однако, признать, что вопреки всем усилиям сосредоточиться на более конкретном материале история средневековой философии заставляет абстрагировать эту философию от теологической среды, в которой она зародилась; но отделить ее от теологии невозможно без насилия над исторической реальностью. Читатель увидит, что мы не проводим четкой демаркационной линии между историей философии и историей теологии не только для эпохи патристики, но и для самих средних веков. Отсюда не следует, что говорить об истории средневековой философии неправомерно. С точки зрения всеобщей истории философии вполне законно рассматривать вопрос о судьбе философских проблем, поставленных греками, на протяжении первых четырнадцати веков христианской эры. Однако, чтобы изучить и понять философию той эпохи, необходимо искать ее там, где она содержится, а именно в сочинениях людей, которые прямо называли себя теологами или стремились ими стать. История философии средних веков — это абстракция от реальности, более обширная и всеобъемлющая, нежели католическая средневековая теология. Поэтому не нужно удивляться многочисленным упоминаниям в этой работе чисто теологических проблем: они постоянно напоминают читателю о симбиозе этих двух интеллектуальных дисциплин, существовавшем на протяжении всей той вереницы столетий, через которую нам предстоит пройти.

Работу столь общего характера невозможно было бы написать, если бы автор не пребывал в неоплатном долгу у своих предшественников. Не раз заявляя об этом со всей откровенностью, мы, однако, не в силах назвать их всех. Объем этой книги не помешал профессору Парижского Католического института аббату Андре Комбу, движимому дружеским великодушием, прочитать рукопись и внести многочисленные исправления, многие из которых касались отнюдь не только формы изложения. В другом месте мы отдадим ему должное еще раз, поскольку речь идет о страницах, отредактированных им по нашей просьбе; но уже в самом начале книги мы хотим выразить ему искреннюю признательность.

Э.Ж.

ВВЕДЕНИЕ

Христианская религия вступила в контакт с философией во II веке — как только среди обращенных в христианство появились представители греческой культуры. Можно отступить еще дальше и поискать понятия философского происхождения в книгах Нового Завета, в частности в четвертом Евангелии и в Посланиях апостола Павла. Эти поиски не лишены смысла, хотя те, кто занимается ими, подвергаются опасности испытать искажение перспективы. Христианство — это религия; иногда уступая определенной человеческой потребности, наставники для выражения своей веры прибегали к философским терминам, но они придавали их прежнему философскому смыслу новый религиозный смысл. Встречая эти термины в христианских книгах, их следует понимать именно в новом значении. Нам представится достаточно случаев проверить это правило на материале истории христианской мысли и было бы прометчиво о нем забывать.

По своему существу христианская религия с самого начала основывалась на провозвестии Евангелий, то есть на вере в личность и в учение Иисуса Христа. Евангелия от Матфея,